

УДК 821.111

doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143

«Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг»

Надежда Сергеевна Шалимова

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-код: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 26.08.2022

Принята к публикации 15.09.2022

Информация для цитирования

Шалимова Н. С. «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 134–143. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию наименее изученного романа Д. Тартт «Маленький друг». Описываются нарративные особенности и жанровые характеристики произведения. Имманентный метод находит воплощение в выделении особенностей повествовательной модели романа: семантики заглавия, специфики сюжетостроения, поэтики хронотопа, разработки темы расового неравенства, использовании приемов интертекстуальности и фотоэксфрасиса. Контекстуальный метод позволяет выявить в произведении черты «южного нуара», а также рассмотреть традиционные и новаторские проявления характеристик *young adult* литературы. Тема взросления в романе писательницы сопряжена с традиционными для жанра *young adult* мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя. Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, повествование строится линейно, это единственное произведение Д. Тартт, где используется такой способ речевой организации, противоположный ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Это позволяет писательнице не только сосредоточиться на внутренней жизни главной героини, но и представить историко-культурный фон, а также создать выразительные психологические портреты других персонажей и их семей. В результате исследования делается вывод о том, что роман Д. Тартт вписывается одновременно в традиции *young adult* литературы, поскольку главной семантической доминантой является тема взросления через преодоление испытаний (одиночество, потеря близких, борьба со злом/осознание иллюзорности своих представлений о нем), и литературы американского юга, контексты которой играют колоссальную роль для Д. Тартт как для писателя и человека.

Ключевые слова: южная литературная традиция; *young adult fiction*; жанровое своеобразие; повествовательная модель; хронотоп; система персонажей.

Роман «Маленький друг» (*The Little Friend*, 2002) Донна Тартт создает в традициях национальной литературы и, с одной стороны, продолжает поиск философских смыслов, служащих основой таких абстрактных концептов, как время, судьба, свобода, одиночество, достоинство (см. подробнее: [Афанасьева, Баранова, Машонина, Чупрына 2019]), а с другой – глубоко разрабатывает социальную, расовую, психологиче-

скую, возрастную проблематику. Эта диалектика воплощается в типе героя, который взрослеет, проходит инициацию. В американской литературе тема становления, поиска своего пути является типичной и находит воплощение в творчестве таких авторов, как Л. М. Олкотт, М. Твен, Дж. Лондон, Т. Драйзер, Ф. С. Фицджеральд, Х. Ли, Т. Капоте, Дж. Д. Сэлинджер, Р. Брэдбери (см. подробнее: [Гиленсон 2013]).

Роман имеет национальный колорит и за счет обращения к «южному мифу»: на это указывает построение образов, система персонажей, хронология [Анцыферова 2015: 166], переживание главной героиней чувства вины по причине, лежащей в прошлом (смерть брата), значение церкви и религии в семье. Отмечается, что «Тартт очень точно удалось передать эту слоистую, манерную, противоречивую, запутанную, бурлящую и полную благовоспитанности мешанину, которую называют Югом» [Willis 2002].

Для системы персонажей романов Д. Тартт характерна этническая и социальная разноплановость: Борис имеет украинские корни, Ида – афроамериканка, Генри представляет аристократическое сословие, семья Рэтлифф – криминально-маргинальное. Стоит отметить, что темы мультикультурализма, памяти и истории, самопознания и самоопределения человека сближают национальные модели английского и американского романа (см., например: [Меркулова 2021; Проскурнин 2013; Джумайло 2014]).

Также можно обратить внимание на широкую географию романов Д. Тартт, два из них («Тайная история», «Щегол») определяются как «северные» и один («Маленький друг») – как «южный». Место действия дебютного романа Д. Тартт «Тайная история» – колледж Хэмпден в Новой Англии, похожий на Беннингтон, в котором училась писательница. В романе «Щегол» хронология большого города показан через скитания главного героя в Нью-Йорке, Лас-Вегасе, Амстердаме. В «Маленьком друге» события перенесены в родные места Д. Тартт: город Гринвуд в штате Миссисипи становится прототипом для Александрии [Conal 2002].

Семантика заглавия

Заглавие романа любопытно с точки зрения возможной отсылки к произведению Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»: корреляция присутствует как на уровне буквальной переключки – *The Little Friend / The Little Women*, – так и на уровне сюжетной ситуации, которая лежит в основе: отец семьи покидает дом: в романе Л. М. Олкотт – из-за участия в гражданской войне, в романе Д. Тартт – после обрушившихся на семью несчастий. Если в первом произведении героини становятся опорой друг для друга, то во втором подчеркивается их одиночество. Также заглавие связано с образом Робина, расследование обстоятельств гибели которого становится делом жизни главной героини Гарриет. Одним из итогов, после всех испытаний, опасностей, болезни, становится ее мысль о том, что, возможно, Дэнни, которого она винит в смерти брата, не только не убивал Робина, но и был его

другом. Слова, связанные с заглавием романа, произносит отец Гарриет: «Помнишь его? Маленький друг Робина. Он иногда приходил к нам во двор, они вместе играли. «Друг»? <...> сердце у нее колотилось до того бешено, что она усилием воли сдержалась чтобы не задрожать» [Тартт 2016: 622]¹. Эта реплика отца становится отправной точкой переосмысления Гарриет и собственной истории, и личности Дэнни: «Сомнения одолевали ее все сильнее, а вместе с сомнениями пришел и страх, что она, сама того не зная, совершила что-то ужасное» (622). Так в романе актуализируется важная для Д. Тартт мысль об амбивалентности добра и зла, раскрывающаяся во всех произведениях писательницы.

Система персонажей

Роман открывает описание сюжетобразующего события романа – смерти Робина. «Всю оставшуюся жизнь Шарлотта Клив будет винить себя в смерти сына из-за того, что решила в День матери садиться к столу не в полдень, после церкви, как было заведено у Кливов, а вечером, в шесть» (11). Несмотря на то что ретроспективно читатель знакомится с историей трех поколений Кливов, сюжет романа строится вокруг одного лета в жизни семьи: в начале лета Гарриет узнает от Иды о Дэнни Рэтлиффе и решает провести расследование.

До знакомства с главной героиней читатель погружается в историю семьи и атмосферу дома Кливов: «тишины в доме, воцарившейся атмосферы запустения, апатии, печали», «были нелюдимыми, чудаковатыми, угрюмыми <...> После всех этих событий <...> стали как прокаженные. Друзья начали их избегать. Другие семейные пары больше их никуда не звали, знакомые перестали к ним заходить» (28). По принципу антитезы описываются сестры Клив: старшая сестра Эллисон – домашняя и послушная, любимица бабушек, Гарриет же диковатая, неласковая, странная. Сравним:

Эллисон: «Хозяюшка ты наша <...> Красавица. Ангел наш дорогой <...> Славная девочка. Миленькая. Хорошенькая» / «Младшая же сестра Гарриет не была ни миленькой, ни хорошенькой. Гарриет была умной» (33)².

Параллельно вводится описание семьи Дэнни. Одной из ее особенностей является наличие слабоумного, особенного члена семьи. Для Кертиса характерны наивность, чистота мировосприятия, ранимость, открытое сердце. В романе раскрытию этого образа посвящено несколько выразительных эпизодов: Гарриет из всех Рэтлиффов лучше всех знает именно его, из его уст звучат нетипичные для семьи слова любви: «вцепился в Юджина, уткнулся мокрым лицом

ему в грудь. Люблю, – сказал он приглушенным голосом» (619).

Кертис описывается как беззащитный, трогательный ребенок: «перепуганный, задыхающийся Кертис сидел на стуле в коридоре, прижимая к себе огромную плюшевую игрушку» (618). «Люблю» становится главной фразой Кертиса, речь героя почти лишена связных реплик, он часто повторяет именно эту фразу: Люблю! – воскликнул он и захлопал в ладоши <...> Люблю, – проворковал Кертис (258). Гарриет не испытывает к нему плохих чувств: «Странно, думала Гарриет, что она так и не возненавидела Кертиса после того, как узнала всю правду о его семейке» (275). Героиня жалеет Кертиса и сочувствует ему, отмечая, что «иногда Кертис приходил в школу с жутковатыми синяками... без куртки, без денег на обед, да и без обеда» (276). «Он был, конечно, добряк, но двигался так резко и неуклюже, что вечно пугал людей» (258). Образ Кертиса соотносим с Бэнджи, героем романа У. Фолкнера «Шум и ярость». Благодаря фигуре Кертиса тема добра и зла семьи Рэтлифф усложняется, становится неоднозначной и двойственной.

Семантическое поле романа во многом строится на противопоставлении личностей и историй Гарриет и Дэнни, но ближе к финалу становится ясно, что и относительная благополучность Гарриет, и асоциальность Дэнни одинаково связаны с их одиночеством. Первая встреча Гарриет и Дэнни происходит в середине романа: «Гарриет вздрогнула, вскинула голову и увидела, что перед ней стоит Дэнни Рэтлифф» (330). Описание истории семей Гарриет и Дэнни идет параллельно: описываются жилища, распорядок дня, портреты бабушки Тэт и бабушки Гам. Семье Рэтлиффов, помимо криминальной составляющей, свойственна своеобразная, «южная» религиозность, типичная и для старшего поколения семьи Гарриет. Особую атмосферу создают бабушки Гарриет – старшему поколению посвящена отдельная часть романа: «Хили... немного боялся старушек Гарриет, они были длинноносые, двигались порывисто, по-птичье и были похожи на ведьм» (251).

Одиночество героев становится исходной точкой удвоения сюжетных ситуаций: Дэнни, сидя у бабушки Гам, мечтает оказаться в другом месте, Гарриет неожиданно спрашивает у Тэт, любит ли она ее и просит разрешения остаться ночевать, на что бабушка старается придумать любую причину для отказа. По возвращении домой девочка получает пощечину от матери, которая, перепутав день и ночь, думает, что дочь пропала. Так подчеркивается атомарность детей и взрослых, их одиночество³.

После ухода Иды и потери Либби «у Гарриет осталась только одна цель в жизни – Дэнни

Рэтлифф», «Само его лицо казалось ей теперь ядовитым, и она теперь брала фотографию осторожно, за самые краешки. Воцарившийся у них дома разлад – его рук дело. Он заслужил смерть» (489). Гарриет понимает, что и сама является объектом ненависти Дэнни: после того, как около похоронного бюро их взгляды встретились, «меж ними промелькнула какая-то роковая ясность, какое-то узнавание» (489). В последней главе романа Гарриет размышляет о том, что «жизнь сломила всех взрослых, которых она знала, всех до единого» (489), поэтому финальная схватка происходит между детьми, Гарриет и Дэнни, которые во всех бедах своих семей винят друг друга: «Удар она нанесет именно сейчас, пока у нее есть на то силы, пока у нее хватит на это нервов, пока ее дух не сломлен, и одно безграничное одиночество будет ей опорой» (490).

Система персонажей романа представляется, с одной стороны, традиционной для романа воспитания, когда все второстепенные персонажи в той или иной степени становятся «учителями» главного героя и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир, а с другой – новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история *другого* персонажа (которого тоже в какой-то степени можно считать главным), его одиночества и взросления.

Основные топосы романа

Действие романа происходит в провинциальном городе, который полнится слухами, а по телефону не нужно представляться, поскольку все так хорошо знакомы друг с другом, что узнают по голосу. Д. Тартт наследует этот топос у Х. Ли, как и собирательный образ горожан, также похожий на «мэйкобцев». Город является замкнутым топосом, Гарриет не хочет покидать Александрию: «Когда приходили бланки для регистрации в летнем лагере, она их рвала и прятала обрывки в мусорной куче» (63).

Город показан как заброшенное, запустелое, покинутое место: «Шелестели в запустелых дворах разросшиеся сорняки, на калитках висели таблички: “ПРОДАЕТСЯ” и “ВХОД ВОСПРЕЩЕН”» (355). Гарриет покидает это место лишь однажды, когда отправляется в лагерь, который, вопреки ее нежеланию там находиться, кажется единственным спасением. По приезде она сразу понимает, что «совершила ужасную ошибку» (395): из-за отъезда не попрощалась с Идой и вследствие автокатастрофы потеряла Либби.

Хронотоп дома, родового гнезда, который, по словам адвоката Клива, разрушили «ниггеры», соотносится с архетипическим образом дома в творчестве М. Митчелл, У. Фолкнера, исследователи называют такое изображение «одновремен-

но и аутентичным и вторичным» [Hare 2002]. В произведении присутствуют жанровые черты семейной саги, сюжет разворачивается во многом как «история гибели одного семейства», она раскрывается за счет обращения к хронотопу дома, который представлен как кризисный. «Большой дом, которым Кливы владели с 1809 года... пришлось продать чтобы расплатиться с долгами судьи... Дом назывался “Напастью”. Теперь от дома остались только две дымовые трубы да замшелая дорожка» (47). Дом Гарриет, где все заполнили бесполезные вещи, где вечно сонно и пусто, после ухода Иды окончательно предается разрушению и стагнации. Любопытно сравнить его с трейлером, в котором живет Дэнни. В трейлере хозяйством заправляет бабушка Гам, там «вонючие кофейные жестянки с прогорклым маслом и свиным жиром», которые убирает Дэнни, когда она попадает в больницу: «Уборка подняла Дэнни настроение, даже Фариш отметил, до чего у них стало чисто» (406). Семейная история – базовый сюжет многих американских романов XXI в., часто он сопряжен с темой катастрофы, поскольку такая драматизация позволяет показать, что «сознание современного западного человека начинает утрачивать смысл в пространстве благоустроенного дома» [Татаринов 2015: 396].

В романе сообщается, что дом Кливов разрушается из-за запустения, а вовсе не от внешних вмешательств: «почти семьдесят лет судья его не ремонтировал, как и сорок лет до того – его мать <...> В доме уже прогнили все половицы, а фундамент был начисто изъеден термитами» (46). Тема запустения экстраполируется и на дом, в котором живет Гарриет в романном настоящем: после ухода Иды за чистотой в доме никто не следит, там никогда нет еды, всюду ненужные вещи: «...из-за чего переживать стоило, так это из-за того, какое запустение царило дома у дочери <...> когда вчера увидела, что творится у них дома, была потрясена до глубины души. Одно слово – свинарник...» (600). И Гарриет, и Дэнни дома словно нет места, они чувствуют себя одиноко.

Важным топосом кульминации романа становится **водонапорная башня**, которую Гарриет описывает в традиционном для своего мировосприятия литературном ключе, «огромный круглый бак с остроконечной крышей, похожей на шапку Железного Дровосека из “Волшебника страны Оз”». (492). Покидая после устрашающей встречи башню, оба героя сталкиваются с деталями вещного мира, которые играют символическую роль и для Дэнни, и для Гарриет: она находит перчатки, подаренные Идой, он видит рядом с мертвой змеей собственную фотографию, которую обронила, убегая, Гарриет. Гарриет зани-

мает сознание и мысли Дэнни, как и он ее: «Проникла в его сны... преследовала его, охотилась за ним, всю голову ему задурила» (515). С этого момента начинается преследование Гарриет, ее побег от семьи Рэтклиф подобен бегу Ральфа, героя романа «Повелитель мух» У. Голдинга, который спасается от преследования Джека на острове.

Когда Дэнни понимает, что Гарриет – сестра Робина, он вспоминает своего друга, воспоминания передаются трогательно, исповедально, через призму детского, наивного восприятия ребенка, он вспоминает день рождения Робина, его дом, всех родственников. Перед читателем возникает другой Дэнни, одинокий, нуждающийся в любви, добрый ребенок. Это впечатление усиливается после знакомства со снами Дэнни, ретроспективно возникают все злосчастные события его детства, его скитания и неблагополучие: «обломки разных лет его жизни... Дэнни было снова тринадцать, и он лежал на койке в первую свою ночь в колонии для несовершеннолетних, и в то же время ему было пять, и он ходил в первый класс, ему было девять, и мать лежала в больнице, он страшно по ней скучал и боялся» (535).

Тема расового неравенства

Одной из важных тем романа является тема расового неравенства, наследованная Д. Тартт у Харпер Ли, Марка Твена, Гарриет Бичер-Стоу (неслучайно главную героиню романа зовут Гарриет). Объединяющими чертами произведений Д. Тартт и Г. Бичер-Стоу являются тема любви и душевной привязанности, которые рушатся из-за предрассудков (Глазастик и Кэлпурния, Гарриет и Ида, в обоих случаях слуги заменяют девочкам маму), и сюжет собственного расследования детей.

В американской литературе парадигма расовой дискриминации часто является сюжетообразующей [Гиленсон 2003: 6], в современной литературе она находит воплощение, например, в романе «Прислуга» К. Стокетт. Во многом это объясняется тем, что штаты Миссисипи и Алабама относятся к топосу так называемого глубокого Юга (The Deep South), не только наиболее консервативной части Америки, но и поляризованной по расовому признаку: расовая сегрегация существовала в Южных штатах до 1960-х гг., для них характерны консерватизм, ортодоксальность.

Завязка романа и отправная точка развития сюжета – рассказ Иды о стрельбе белых мужчин в «старую негритьянку с веснушчатými щеками и рядом седых косичек» (146). Сама Ида, также пострадавшая во время пожара, устроенного в церкви семьей Рэтклифф, показывает девочке глубокий ожог на ноге: «прижгло, будь здоров... болел он так, что я полтора месяца глаз не со-

мкнула» (152). Именно эта героиня – бесконечно любимый и дорогой Гарриет человек: «Ида была незыблемым центром, вокруг которого вертелся мир Гарриет: обожаемая незаменимая ворчунья с мягкими ручищами, громадными влажными глазами навывкате и такой улыбкой, что Гарриет казалось: до Иды в мире никто не улыбался» (161). Она рассказывает свою историю, после которой Гарриет окончательно решает мстить Рэтлиффам: «Кирпичами швырялись да вслед бедной девочке улюлюкали, мол, ниггерша да убирайся в свои джунгли» (149). С образом Иды связаны народные песни, колыбельные, сказки, которые так любит Гарриет⁴. Искренняя любовь к Иде дополняет и углубляет психологический портрет Гарриет, как и то, насколько она любит своих бабушек и тянется к ним, хотя часто встречает равнодушие. Отношения Гарриет и Иды являются одной из ключевых сюжетных линий романа, их итогом становится драматичное расставание в главе «Красные перчатки».

Любовь и нежность, которые героиня испытывает к темнокожей служанке, обречены, так как Шарлотта Клив, отстраненно пребывая в своем мире, где день путается с ночью, а лучшим обедом является мороженое, совершает решительный необоснованный поступок: увольняет Иду. Ощущая одиночество и потерянную, Гарриет жалуется еще одному любимому и дорогому человеку – бабушке Либби, которая подводит итог, во многом служащий квинтэссенцией всего романа: «Как же плохо быть ребенком, – просто сказал она, – когда все за тебя решают взрослые» (370).

Тема взросления

Одним из смысловых центров романа является уже обозначенная тема взросления, типичная для творчества Д. Гартт (см. подробнее [Фомина 2017; Heineman 2015]). Гарриет «не нравились детские книжки, в которых дети выросли, потому что это самое “взросление” (что в книжках, что в реальной жизни) всегда означало, что герои самым непонятным образом скучнели прямо на глазах; ни с того ни с чего мальчики и девочки ради какой-то глупой любви забрасывали все приключения, женились, обзаводились семьями и начинали себя вести как тупые коровы» (162).

В лагере, где все противоречит привычному образу жизни Гарриет, не соответствует ее ценностям, она осознает свое взросление: «впервые в жизни записали в “подростки”, которые, судя по выданной ей литературе, были совершенно безмозглыми существами – сплошные выпуклости и выделения» (415). Проходя путь инициации / расследования смерти Робина, героиня выдерживает сильнейшие испытания, она теряет

Иду и Либби, переживает смерть и одиночество: «Ида уехала, Либби умерла, и все теперь было ужасно и неправильно» (436).

Лишившись самого дорогого человека, Иды, Гарриет едва не лишается Хили, своего единственного друга: «Гарриет казалось, что даже Хили она потеряла или вот-вот потеряет, будто и он в ее жизни появился только мимоходом, как лето или как светлячки» (389). Так, ее взросление сопряжено с традиционными для жанра *young adult* литературы мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя [Шалимова 2022: 120].

Тема расового неравенства раскрывается одновременно в контексте «южной» традиции и жанрового канона *young adult* литературы (см. подробнее [Cart 2016]): историко-культурный контекст и тема взросления как постижения несправедливости, утраты, одиночества оказываются неразрывно связанными.

Литературность мировосприятия Гарриет

Главная героиня романа много читает, является постоянным посетителем библиотеки, в одиноком доме ее верными друзьями становятся книги. Для мировосприятия Гарриет характерна книжность, литературность, она ведет свое расследование как приключение, навеянное атмосферой книг Киплинга, Стивенсона. Из братьев Рэтлифф, которые «все как один – здоровяки, все загорелые, потные, все в татуировках», она выделяет «бородача с космами... точь-в-точь слепой Пью из “Острова сокровищ”» (329).

Одной из главных книг в круге чтения Гарриет является «Книга джунглей», идею использовать яд кобры девочка берет как раз из книг Р. Киплинга: «Вонь под мормонским домом, блестящие гвозди в разноцветных ящиках, вытянутые тени в ярко освещенном дверном проеме – все это, да еще много чего просочилось в ее сон, причудливо перемешалось с причудливыми черно-белыми картинками из дешевого издания “Рикки-Тиви-Тави”» (339).

В тяжелый момент прощания с Либби Гарриет тоже вспоминает литературу: «Отсюда можно сбежать. Мысленно. Что там Питер Пэн говорил Вэнди? Закрой глаза и вспомни что-нибудь славное» (443).

В эпизодах похорон Либби способность всеведущего нарратора проникать в сознание как главных, так и второстепенных героев также показана наиболее отчетливо: сначала представлена точка зрения Гарриет, ее горе, многократно усиливающее лейтмотив одиночества в мире взрослых, затем библиотекаря миссис Фонтейн, внешнего наблюдателя, и после – Эди, включен-

ного взрослого, также переживающего глубокую потерю, но еще обеспокоенного, в отличие от Гарриет, внешней, бытовой стороной: «накануне вечером она... металась по дому с совком... взбивала подушки, протирала зеркала, двигала мебель, перетряхивала ковры и намывала полы» (455).

В интертекстуальном поле романа появляются упоминания кинематографа, например, дважды встречается фильм «Из России с любовью» – в начале расследования детей его ассоциативно упоминает Хили и в конце романа вновь возвращается к нему, на просьбу Гарриет придумать что-нибудь «еще поддетективнее» героиня отвечает: «Можно придумать, как в том фильме, “Из России с любовью”. Ну, там, где был чемодан... который стреляет пулями и слезоточивым газом» (614). Так, желание продумать криминально-детективную составляющую «чтобы было, как в кино» сопряжено с «русской темой», которая будет развернуто представлена в романе «Щегол».

Еще одним примером использования приема интертекстуальности является упоминание финальной книги, которую читает Гарриет, ее в больницу приносит Тэтти: «на тумбочке лежала толстая книжка в голубой обложке – дневник капитана Скотта. От одного ее вида у Гарриет стало легче на сердце, но вскоре появилось неприятное чувство, будто книга обращается к ней, к Гарриет, напрямую, и ей стало не по себе» (621).

В конце романа, подводя итоги, ощущая душевное смятение, потерянности, неуверенность в правильности выводов о вине Дэнни и своих поступков по отношению к нему, Гарриет говорит о том, что «тайное послание капитана Скотта все-таки дошло до нее, и в нем говорилось, что победа зачастую ничем не отличается от поражения» (627). Так, литературоцентризм сопровождает рефлексию Гарриет на протяжении всего произведения, и именно литература помогает осмыслению пройденного пути в финале.

Фотоэкфрасис

Важную роль в поэтике романа играет обращение к фотографии⁵. На фотографиях запечатлены важные эпизоды жизни семьи, они обладают особым нарративом, который возможен лишь при наличии взгляда персонажа, пытающегося разгадать не только «кадровую», но и закадровую тайну [Полуэктова 2021: 103]. Этим персонажем становится Гарриет, которая через фотографии старается более глубоко и многосторонне узнать прошлое своей семьи и историю Робина, понять его личность. «Гарриет целыми днями могла разглядывать старые снимки в фотоальбоме...» (49).

Снимки с Робинем особенно дороги, сакральны для Гарриет: «Больше всего Гарриет любила

фотографии с братом... их хранили отдельно, на полке в чулане у Эди, в коробке-сердечке из-под шоколадных конфет... Через них Гарриет приоткрывалась дверка в сказочный мир – магический, цельный, утраченный навеки» (50).

Фотографии становятся для Гарриет идеальным миром, миром безоблачных воспоминаний, в который ей хочется возвращаться снова и снова: «Фотографии завораживали Гарриет. Больше всего на свете ей хотелось ускользнуть из этого мира в их прохладную, синеватую прозрачность, где был жив ее брат, и стоял красивый дом, и все всегда были счастливы» (51). Благодаря фотографии героиня узнает историю своего рождения, прихода в этот мир: «Гарриет родилась в канун Рождества, когда на дворе бушевала самая снежная за всю историю Миссисипи вьюга. В коробке-сердечке нашелся снимок и этого снегопада... ее только-только, в белоснежный сочельник привезли домой из больницы» (52).

Именно разглядывая фотографии, Гарриет узнает Робина и познает себя: «Была у Гарриет в коробке-сердечке и самая любимая фотография, которую она разглядывала снова и снова при свете фонарика: на ней Робин и Эллисон вместе с Гарриет сидят в гостиной “Напасти” под елкой. Ничто на снимке не указывало на то, что их ждет череда несчастий... Тогда, конечно, этого никто не знал: на дворе было Рождество, в семье было прибавление, все были счастливы и думали, что это счастье будет длиться вечно» (53).

Фотографии не только передают семейное тепло, безмятежное счастье, но и служат предвестниками беды, предвосхищают ее: «Свет на фото был дробленный, сентиментальный, пылающий предвестием беды. К следующему Рождеству помрет даже Прыгунок» (53). Фотографии играют в романе характерологическую роль, служат важным приемом создания образа Робина, помогают дешифровке Гарриет его личности (на некоторых снимках Робин «как живой»), а также помогают лучше понять Эллисон, которая хоронит свою фотографию вместе с умершим котом. «Эллисон, всхлипывая, зачерпнула огромную горсть земли и швырнула ее в могилу – прямо на свое улыбающееся лицо» (69). Символически этот эпизод соотносится с судьбой всей семьи после смерти Робина, поскольку она лишена жизни, любви, радости.

Организация повествования

Метафоричность и глубину роману придают названия глав: «Мертвый кот» повествует о смерти кота Вини, это событие становится трагедией Эллисон, лишает ее внутренней жизни. В «Черном дрозде» черту переходит Гарриет, это своеобразная инициация героини, когда в ее ру-

как погибает раненая птица (впоследствии образ птицы становится сюжетообразующим в романе «Щегол»). В главе «Бильярдная» сталкиваются все герои и сходятся сюжетные линии Дэнни и Гарриет, которые прежде шли параллельно. За ней следует «Миссия» – кульминационная точка романа, которая готовит развязку. Новое испытание главной героини и следующая ступень взросления – глава «Красные перчатки», в центре которой события, связанные с мотивом одиночества и усиливающие его: расставание с Идой, решение ехать в лагерь. Наиболее интригующая часть романа – «Похороны», она реализует игровой принцип: читателю кажется, что речь пойдет о смерти кого-то из членов семьи Рэтглиф, он, как и Гарриет, не подозревает, что впереди еще одна трагедия: автокатастрофа и гибель Либи.

Глава «Похороны» трагически рифмуется с первой главой романа «Мертвый кот», прямое соотношение этих событий, схожая рецепция детьми прямо артикулируется Эди: «До сих пор вон сидят на крыльце и надрываются, точь-в-точь как по мертвому коту, никакой разницы, с горечью думала Эди» (456). В этой же интенсивной с точки зрения нарративного устройства главе происходит удвоение сюжетной ситуации несправедливого отношения к Иде: служанку Либби Одеан, много лет посвятившую Либби, не уведомили о ее гибели и не пригласили на похороны «Пятьдесят пять лет я проработала у мисс Либ, а мне никто и словечком не обмолвился» (463). Рифмуется и гордое, отстраненное поведение Иды и Одеан: «Одеан, не меняясь в лице, отвернулась и ушла куда-то за горизонт» (464).

Одной из нарративных стратегий романов Тартт становится игра с точками зрения. Мета-нарратор использует одни и те же синтаксические формы и для выражения своих суждений, и для проникновения в сознание героев, одна точка зрения плавно переходит в другую [Шмид 2003: 109]⁶. Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, но правом повествования наделяются и Гарриет, и Дэнни, и даже Хили, сознание персонажей раскрывается глубоко и многомерно.

Например, в главе «Миссия», когда Гарриет и Хили едва не оказываются схваченными, через повествование от третьего лица вдруг слышится внутренний голос мальчика: «Он уперся головой в стену, повозил ей туда-сюда. Ну почему он такой тупой?» (322). Этот риторический вопрос словно обращен к самому себе. Затем на первый план выходит точка зрения Гарриет: «От ужаса она боялась пошевелиться и лежала на боку, уставившись в крошечную тьму. Долго ей придется тут лежать?» (323). В уже упомянутой главе «Красные перчатки» Гарриет переживает первую личную трагедию – уход Иды, наррация

передается ей: «перчатки найдутся, не думай о них сейчас, подумай о чем-нибудь другом...» (375). В переломные моменты Гарриет способна занимать метапозицию: «Я окружена врагами» – напомнила себе Гарриет. И тут же: «Да, она ненавидит лагерь на озере Селби, но сейчас для нее безопаснее места и не придумаешь» (397) (в абзаце выделено мной. – Н. Ш.)

Категория времени в романе носит ретроспективный характер: главное событие произошло в прошлом и сознание главных героев обращено к нему: «Гарриет хотелось бежать только назад, потому что сейчас ей хотелось только одного – убежать в прошлое» (379). После того, как они с Хили сбросили кобру, Гарриет фиксирует: «Они с Хили прицелились и угодили даже не в машину, а в точку бифуркации: время стало зеркалом заднего вида, в котором мелькнуло и исчезло прошлое» (379), в то же время нарратору открыто будущее: «Гарриет потом еще вспомнит этот день» (389).

Подводя итоги, можно отметить следующее: опираясь на жанровые и нарративные константы «южного» романа, Д. Тартт разрабатывает такие его черты, как опора на топос (провинциальный город, унаследованный от У. Фолкнера и Х. Ли), бунт против системы (собственное расследование Гарриет), связь с прошлым (большое внимание в романе уделяется семейной летописи, истории бабушек). Провинциальный город, замкнутый в своих рамках, становится выразительным фоном для взросления героини. Основными локусами можно назвать дом и башню, именно с ними связаны ключевые события романа.

Система персонажей романа представляется и традиционной для истории становления, когда второстепенные герои в той или иной степени становятся «учителями» главного и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир, и новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история *другого*, его одиночества и взросления. Важную роль в поэтике романа играет глубокая проработка темы взросления: к финалу романа герой-антагонист раскрывается настолько многогранно, что становится, скорее, двойником главной героини, он показан таким же одиноким, непонятым, чуждым собственной семье. Именно это подчеркивает вынесенная в заглавие статьи авторская цитата [Viner 2002]: тема взросления сопряжена с традиционными для жанра *young adult* литературы мотивами потери, переживания смерти, болезни, душевной боли, разочарования и последующего постепенного обретения себя. Тема расового неравенства раскрывается одновременно в контексте «южной» традиции и жанрового канона *young adult* литературы: историко-культурный контекст и тема взросления через постижение

несправедливости, утраты, одиночества оказываются неразрывно связанными.

Поэтику романов Д. Тартт обогащает интертекстуальность и интермедальность: произведения изобилуют обращениями к кинематографу, живописи, музыке, фотографии, в художественном повествовании присутствуют фрагменты газетных статей, объявлений, фильмов, книг, которые читают герои. Фотографии играют в романе характерологическую роль, служат важным приемом создания образа Робина, помогают «разгадыванию» Гарриет его личности, а также характеризуют Эллисон, которая хоронит свою фотографию вместе с умершим котом и так метафорически прощается с собственной жизнью (ключевой мотив, сопряженный с этим образом, – мотив сна).

Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, повествование строится линейно, это единственное произведение Д. Тартт, где используется такой способ речевой организации, противоположный ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Данный способ нарративного устройства позволяет писательнице сосредоточиться не только на внутренней жизни героини, но и представить историко-культурный фон, а также создать выразительные психологические портреты других героев и их семей (мир домов Дэнни, Хили, бабушек Гарриет). Таким образом, роман вписан одновременно в традиции *young adult* литературы, поскольку главной семантической доминантой является тема *взросления* через преодоление испытаний (одиночество, потеря близких, борьба со злом/осознание иллюзорности своих представлений о нем) и литературы американского юга, контексты которой играют колоссальную роль для Д. Тартт как для писателя и человека.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

² Такое противопоставление схоже с описанием Веры и Марфеньки в романе И. А. Гончарова «Обрыв».

³ В этом видится параллель с образами детей из цикла «Девять рассказов» Дж. Д. Сэлинджера, которые тоже не находят понимания и поддержки в мире взрослых.

⁴ Симптоматично, что в наиболее драматичные моменты повествования в романе «Щегол» песни поет для главного героя Тео его друг Борис, успокаивая и поддерживая.

⁵ Экфрасис играет сюжетообразующую роль в романе «Тайная история» (см. подробнее: [Черноземова 2017]).

⁶ Ненадежная наррация в художественном мире Д. Тартт становится важным приемом в

выстраивании образа Одри Декер («Щегол»): читатель видит героиню исключительно через призму сознания Тео. Это не просто взгляд Тео – любящего сына, это оптика Тео, который потерял мать. Так происходит с образом Банни («Тайная история»), Робина, герои идеализируются: об уходе Банни скорбит весь колледж, он наделяется чертами, которых никогда не имел, Робин буквально причисляется к лику святых.

Список источников

Тартт Д. Маленький друг / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ, 2016. 640 с.

Список литературы

Анциферова О. Ю. «Южный миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» // Филология и Культура. 2015. № 2 (40). С. 165–170.

Афанасьева О. В. и др. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. М.: Диона, 2019. 112 с.

Гиленсон Б. А. История литературы США. М.: Академия, 2003. 704 с.

Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 395 с.

Меркулова М. Г. Теория английскости в контексте исследования творчества писателей-мультикультураллистов в Великобритании // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по лингвистике и литературоведению / отв. ред. Л. Р. Зурабова. М.: Принтика, 2021. С. 108–114.

Полуэктова Т. А. Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110

Проскурнин Б. М. О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980–2000-х гг.) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2(8). С. 38–51.

Татаринов А. В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 5. С. 395–406.

Шалимова Н. С. Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского // Известия Уральского федерального университета. 2022. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 28. № 1. С. 117–128. doi 10.15826/izv1.2022.28.1.012

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Фомина Е. М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // Новый филологический вестник. 2017. № 4(43). С. 261–271.

Черноземова Е. Н. Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 4 (июль – август). С. 57–69. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/ (дата обращения: 05.05.2022).

Cart M. Young adult literature: From romance to realism. Chicago: Neal Schuman Publ. 2016. 242 p.

Hare D. Great Expectations. The Little Friend by Donna Tartt // The Guardian. Sunday. 2002. 27 October. URL: <http://www.theguardian.com/books/2002/oct/27/fiction.features> (дата обращения: 12.05.2022).

Conal N. Author Donna Tartt Discusses her Literary Career and her Latest Novel, The Little Friend // Talk of the Nation. 2002. URL: <https://www.npr.org/programs/talk-of-the-nation> (дата обращения: 05.07.2022).

Heineman H. David Copperfield and The Goldfinch: The Coming of Age Novel in Two Centuries // Midwest Quarterly. 2015. Vol. 57. Iss. 1. P. 23–36.

Viner K. A Talent to Tantalize // The Guardian. 2002. Saturday 19 October. URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (дата обращения: 03.07.2022)

Willis D. “The Little Friend”: Tartt Gets the South // The Baltimore Sun. 2002. November 3. URL: http://articles.baltimoresun.com/2002-11-03/entertainment/0211040349_1_donna-tartt-harrietcompelling-prose (дата обращения: 12.06.2022).

References

Antsyferova O. Yu. ‘Yuzhnyy mif’ i roman Donny Tartt ‘Malen’kiy drug’ [‘Southern myth’ and the novel ‘The Little Friend’ by D. Tartt]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, issue 2(40), pp. 165–170. (In Russ.)

Afnas'eva O. V. et al. *Amerikanskaya kul'turno-yazykovaya kartina mira 19 veka: vremya, svoboda, sud'ba, odinochestvo, dostoinstvo* [American Cultural and Linguistic Picture of the World of the 19th Century: Time, Freedom, Fate, Loneliness, Dignity]. O. V. Afnas'eva, K. M. Baranova, V. S. Mashoshina, O. G. Chupryna. Moscow, Diona Publ., 2019. 112 p. (In Russ.)

Gilenson B. A. *Istoriya literatury SShA* [Literary History of the USA]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)

Dzhumaylo O. A. *Angliyskiy ispovedal'no-filosofskiy roman 1980–2000 gg. Dis. d-ra filol. nauk* [The English confessional and philosophical novel of the 1980s–2000s. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 395 p. (In Russ.)

Merkulova M. G. Teoriya angliyskosti v kontekste issledovaniya tvorchestva pisateley-mul'tikulturalistov v Velikobritanii [The theory of Englishness in the context of studying the oeuvre of multiculturalist writers in the UK]. *Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: Sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu* [Language and Literature as Studied in Modern Humanities: Collection of scientific works on linguistics and literary studies]. Ed. by L. R. Zurabova. Moscow, Printika Publ., 2021, pp. 108–114. (In Russ.)

Poluektova T. A. Fototekstual'nost' kak kategoriya poetiki romana: zhanrovaya reprezentativnost' [Phototextuality as a poetological category of the English novel: Stating the problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 4, pp. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110. (In Russ.)

Proskurnin B. M. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sovremennoy angliyskoy literatury (sud'by romana v Anglii 1980-2000-kh gg.) [On some principal tendencies of contemporary English literature development (dynamics of novel in England of the 1980s–2000s)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013, issue 2(8), pp. 38–50. (In Russ.)

Tatarinov A. V. Mirovozzrencheskie strategii v sovremennom amerikanskom romane [World outlook strategy in the modern American novel]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2015, issue 5, pp. 395–406. (In Russ.)

Shalimova N. S. Romany D. Tartt v kontekste fenomena ‘young adult literature’: poetika i opora na nasledie F. M. Dostoevskogo [The novels of D. Tartt in the context of the phenomenon of ‘young adult literature’: Poetics and references to F. M. Dostoevsky]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta*. [Izvestia. Ural Federal University Journal], 2022, vol. 28, issue 1, pp. 117–128. doi 10.15826/izv1.2022.28.1.012. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003. 312 p. (In Russ.)

Fomina E. M. ‘Shchegol’ D. Tartt kak roman vospitaniya [‘The Goldfinch’ by D. Tartt as Bildungsroman]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017, issue 4(43), pp. 261–271. (In Russ.)

Chernozemova E. N. Funktsiya ekfrasicheskikh obrashcheniy v romane Donny Tartt ‘Taynaya istoriya’ [The function of ekphrastic references in Donna Tartt’s novel ‘The Secret History’]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal ‘Znanie. Ponimanie. Umenie’* [Informational portal ‘Knowledge. Understanding. Skill’ for the humanities], 2016, issue 4 (July – August), pp. 57–69. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/ (accessed 5 May 2022). (In Russ.)

Cart M. *Young Adult Literature: From Romance to Realism*. Chicago, Neal Schuman Publ. 2016. 242 p. (In Eng.)

Hare D. Great Expectations. The Little Friend by Donna Tartt. *The Guardian*. Sunday. 2002. 27 Oct. Available at: <http://www.theguardian.com/books/2002/oct/27/fiction.features> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Conal N. Author Donna Tartt discusses her literary career and her latest novel, *The Little Friend*. *Talk of the Nation*. 2002. Available at: <https://www.npr.org/programs/talk-of-the-nation> (accessed 5 Jul 2022). (In Eng.)

Heineman H. David Copperfield and The Goldfinch: The coming of age novel in two centuries. *Midwest Quarterly*, 2015, vol. 57, issue 1, pp. 23–36. (In Eng.)

Viner K. A Talent to Tantalize. *The Guardian*. 2002. 19 Oct. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (accessed 03 Jul 2022). (In Eng.)

Willis D. 'The Little Friend': Tartt gets the South. *The Baltimore Sun*. 2002. 3 Nov. Available at: http://articles.baltimoresun.com/2002-11-03/entertainment/0211040349_1_donna-tartt-harrietcompelling-prose (accessed 12 Jun 2022). (In Eng.)

'A frightening, scary book about children...': the Poetics of the Novel 'The Little Friend' by D. Tartt

Nadezhda S. Shalimova

Associate Professor in the Department of English Philology

Moscow City University

4, 2-o'y Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. shalimovans@mgpu.ru

SPIN-code: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Submitted 26 Jul 2022

Revised 26 Aug 2022

Accepted 15 Sep 2022

For citation

Shalimova N. S. «Pugayusche zhutkaya kniga o detyakh...»: osobennosti poetiki romana D. Tartt «Malen'kiy drug» ['A frightening, scary book about children...': the Poetics of the Novel 'The Little Friend' by D. Tartt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 134–143. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-134-143 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to comprehensive research on the novel *The Little Friend* by D. Tartt. It investigates the narrative features and genre characteristics of the literary work. The immanent method was used in research to study the narrative model: the symbolic meaning of the title, the specifics of the settings and plot structure, means of characterization, the theme of racial inequality, intertextuality, and photographic ekphrasis in the novel. The contextual method allowed us to identify the features of the 'southern noir' in the novel, as well as to consider the traditional and innovative manifestations of the characteristics of young adult literature. The theme of growing up in the novel is associated with traditional motives of loss, experiencing death, illness, mental pain, disappointment, and self-attainment. *The Little Friend* is third-person narration, this is the only work by D. Tartt where it is used, opposite to the retrospective confessional narration of the novels *The Secret History* and *The Goldfinch*. The story is told by the omniscient author who enters the mind of his character. It gives the writer the possibility to focus not only on the inner world of the main characters but also to present the historical and cultural background, as well as to create expressive psychological portraits of the minor characters and their families. The tone of the novel is quite conversational; the narrator is very exact in describing the characters and places. The paper concludes that the novel simultaneously contains the features of young adult fiction – the theme of growing up through overcoming trials (loneliness, loss, fighting the evil / awareness of the illusory nature of ideas about it), and the characteristics of the literature of the American South, the contexts of which play a crucial role for D. Tartt as a writer and a person.

Key words: southern literary tradition; young adult fiction; genre, narrative model; chronotope; the system of characters.